

регулятивны постраення сацыяльна-справядлівых адношэнняў. Подобны вид терроризма отличается регулярно воспроизводящейся неудовлетворенностью достигнутым результатом и циклической повторяемостью маниакальной одержимости.

Полагаем, что параноидальный терроризм как способ поведения отдельных лиц органически выстраивается в русле агрессивно-нормативной лексики цивилизационного конформизма общества потребления. С этих позиций он является лишь трагическим отклонением от средне-нормативного поведения законопослушного потребителя. Однако в контексте общей тенденции кооперирования фетишизации свободы и роста агрессивности потребительской психологии параноидальный терроризм лишь выражает общую тенденцию стремления к росту потребления любыми средствами и поэтому он является ожидаемым. В этом заключается действительный трагизм существования общества потребления в целом.

За последние столетия капиталистическое общество овладело антропоцентристским искусством приспособления различных социальных институтов (управления, политики, идеологии, науки, общественных отношений, корпоративной культуры трудовой деятельности и т. д.) к выпестованному им же духу и практике неудержимого стремления обеспечить свою жизнь всеми мыслимыми благами, развивая и направляя креативный потенциал человека на рост объема и рекламирование престижности потребления новейших товаров и услуг.

Постоянно формируя и воспроизводя неутолимую жажду потребления, общество не только сделало его вождельной целью, источником удовольствий и комфорта в повседневной жизни людей, но и возвело в ранг общей цели и критерия социального и научно-технического прогресса.

В основе достижения данной цели лежит воспроизводство консервативного по форме механизма производства и потребления. В этой связи социальные технологии потребления развиваются по четырем взаимосвязанным направлениям: потребление орудий, механизмов, материалов и т. д. для изготовления продуктов производства; потребление знаний, умений, навыков, физических сил, социальных отношений для тех же целей; потребление для восстановления сил самого человека как субъекта производства и отношений с другими людьми как производительной силы; «свободное» (за пределами производства и потребления) потребление для удовольствий, саморазвития и обретения жизненного комфорта.

В различных слоях современного общества соотношение зависимого (непосредственно включенного в циклы производства и потребления) и «свободного» (за пределами функционирования производства) потребления является неодинаковым. В определенной степени это обусловлено существующими технологическими укладами и уровнем оплаты труда. Характеризуя данную закономерность, В. Л. Иноземцев пишет: «В рамках развитых стран Запада нарастает в настоящее время новое социальное противоречие, гораздо более опасное, нежели известное ранее. С одной стороны, часть граждан, до-

бывшихся высокого уровня благосостояния ... в наиболее высокотехнологических секторах материального производства и сферы услуг, все более сосредоточивается на целях собственного внутреннего духовного и интеллектуального роста. ... С другой стороны, им противостоит часть населения, сосредоточенного на удовлетворении своих материальных потребностей в жестких конкурентных условиях, не рассматривающего образование и собственное саморазвитие как высшую ценность и занятого главным образом в отраслях массового производства, не требующих творческих способностей» [1].

В «верхах» и «низах» материального производства складываются противоположные, но подобные тенденции потребительского образа жизни. «Вверху» можно заметить тенденцию движения к росту потребления, начиная от высокого уровня благосостояния занятых в высокотехнологичных отраслях к освобождению от непосредственной включенности в циклы производства и потребления посредством юридического закрепления права владения производственными мощностями. Далее лестница потребления ведет к отделению от сферы непосредственного производства финансовых потоков, установлению контроля над ними и захвату их в собственность. Такое «освобождение» от участия в производстве материальных и духовных ценностей означает развитие паразитического потребления, существующего за счет искусства выжимания «крови» (денежной массы) из сферы производства благодаря применению «высоких технологий» рыночной спекуляции. Этот тип потребления реплицируется в различных слоях общества и в различных формах. Одной из них является гламуризация потребительского образа жизни или отклоняющаяся эстетизация «публичного отчета» об одном из главных «достижений» потребительской психологии – блестящей по форме демонстрации бессмысленности жизни, повседневной пустоты и скудоумия. «Внизу» имеется свой, открытый фарватер движения к росту потребления. Непосредственный, массовый субъект производства формирует свою натуру, способную обеспечить рост производства благ только при безудержно растущих потребительских запросах его самого и неизбежном, неотвратимом их удовлетворении.

В таком способе отношения к производству он выходит из подчинения его жестким циклам и, напротив, подчиняет их основной тенденции общества потребления – поведенческой стратегии (себе на пользу). Складывается массовый тип потребителя, встроенный в производство современного общества, не связывающий себя высокими целями служения гуманным социальным идеалам на перспективу. О таком типе потребителя довольно красноречиво высказались известные европейские мыслители Х. Ортега-и-Гассет и Э. Фромм.

Х. Ортега-и-Гассет характеризует «психологический портрет» массового человека двумя чертами. Это «беспрепятственный рост жизненных запросов и, следовательно, безудержная экзпансия собственной натуры и, второе, врожденная неблагодарность ко всему, что сумело облегчить ему жизнь. Обе черты рисуют весьма знакомый душевный склад – избалованного ребенка. И в

общем можно уверенно прилагать их к массовой душе как оси координат» [2]. Э. Фромм фактически отметил экспансионистский, агрессивно-наступательный характер и безмерно-масштабное влечение к захвату материальных ценностей со стороны субъектов, зараженных потребительством. «*Потребительство, – резюмирует Э. Фромм, – характеризуется установкой, суть которой заключается в стремлении поглотить весь мир. Потребитель – это требующий соски вечный младенец*» [3].

Общество, в котором основным аттрактором функционирования всех институтов, системы социальных отношений является рост потребления, заинтересовано в воспроизводстве прежде всего человека как изобретательного лопмана собственного курса, инженера-нормоконтролера по обслуживанию и бесперебойной работе машины производства и потребления, агента-ревизора по сохранению и рациональному использованию главного ресурса его устойчивости – жизни людей как потребительской ценности. В таком обществе потребление вещей завершается потреблением личностью своей собственной жизни, а также жизнью других людей для целей повторяющегося и расширяющегося потребления. В этом заключается скрытая агрессивность общества цивилизационного конформизма. Внешне кажущаяся нацеленной на рост благосостояния, она, порой, проявляется в якобы немотивированных актах спонтанной мести окружающим, заканчивающейся трагически. На самом же деле мотив есть. Он заключается в предопределенном обществом потребления образе жизни индивида и метафизической обиде из-за несоответствия ожиданий и степени «допуска» к благам цивилизации.

В таком обществе жизнь человека не может рассматриваться как единственная цель потребления. Она приносится в жертву самой себе, выступая своим собственным средством, поскольку посвящается производству внешнего вещного мира. Жизнь угасает в создаваемых вещах и благодаря их использованию снова возвращает себе свою действительность производящей деятельности и отчуждаемой ценности. Трата жизни во имя приобретения вещей для потребления становится объективно действующей закономерностью сохранения общества. Эта закономерность всякий раз выступает в своей трагической форме, если в условиях реального производства случаются отклонения от нормативов безопасного производственного использования жизни. Затраты жизненных сил в рамках физиологических нормативов, допустимых для сохранения жизни, являются не просто необходимыми для последующего ее поддержания через потребление. Это становится психологической привычкой, социально одобряемой формой поведения, главным фактором социализации личности, способом самоутверждения человека в обществе и предпосылкой его духовного развития, принятия его жизни как главной общественной ценности. Данная тенденция составляет основу оптимистической надежды на выбор гуманистического вектора развития общества. Однако в обществе потребления действует и другая закономерность, обуславливающая возможности формирования своеобразной контркультуры жизни в про-

тивоположность гуманистической традиции. Тот факт, что производство продуктов для потребления требует затрат жизненных сил и означает угасание жизни в создаваемых вещах, в некоторых социальных слоях воспринимается и оценивается радикальным образом – как превращение самой жизни человека в вещь для потребления или средство для достижения внешних по отношению к ее обладателю целей. С вещью допустимо обращаться по-разному. Но одним из главных вопросов устойчивого постоянства потребления является владение ею. Труд как социально необходимое явление основан на неполной принадлежности, на отчуждаемости жизни трудящихся в пользу других людей. При наличии частнособственнического способа организации трудовой деятельности вполне закономерно может утверждаться психологический норматив отношений, основанный на доминировании ценности денег, богатства, престижа, власти и т. д. Жизнь человека в этом случае выступает не только в роли средства для воспроизводства общества, но и является функцией личного благополучия собственника, т. е. частью собственности. Те, у кого есть деньги, богатство, власть, приобретают больше шансов тратить свою жизнь лишь на самих себя, на свои цели. В этом заключается специфический закон их жизни. В этот закон не входит установка ценить жизнь, затрачиваемую на создание богатства, выше самого богатства. Ценность жизни человека, равно как и ценность природы, имеет экономически целесообразный показатель потребительского измерения.

В переходных обществах получило распространение ярко выраженное стремление к быстрому успеху в жизни, материальному богатству, большим деньгам и соответствующему почету. Ценность жизни владельца измеряется уровнем его богатства. Достижение успеха таким путем сопряжено с обесцениванием жизни других людей, представлениями о ней как о расходных материалах для получения желаемого любыми путями. Таким образом, общество потребления не только противопоставляет друг другу две основные функции жизни человека – создание ценностей для потребления, сохранения самого общества и сохранение и развитие самого человека. Оно создает условия для доминирования стратегии функционального использования человеческой жизни преимущественно в качестве средства обогащения и потребления по усмотрению другого. Обесценивание человеческой жизни становится неизбежной платой за стремление к постоянно растущему, неограниченному потреблению. Оно выражается в отношении к жизни как к возможности или условию появления нужных исщей. Жизнь сама приравнивается к вещи, с которой можно обращаться по-разному, вплоть до радикально выраженного произвола.

Существующие в обществе потребления возможности духовного развития человека хотя и создают некоторые предпосылки для преодоления потребительского к нему отношения, но не являются достаточными, чтобы обеспечить переход от узкого производственно-потребляющего его окультуривания к стратегии, адекватной его разносторонней природе. Все это означает, что «ненормальности» цивилизационного конформизма, состоящего в функцио-

нальном приспособлении социальных институтов, социальных отношений и ценностей для обеспечения накопления богатства и роста потребления в современных обществах, обусловлены самым главным его отклонением от потребности развития целостной природы человека.

Формирование человека в первую очередь как производяще-потребляющего существа деформирует его эволюционно-историческую, онтологическую природу, выражающую закономерный процесс перехода биосферы в ноосферу, творческую роль личности в построении ноосферы как высшей гуманистической цели согласованного существования общества и природы, как идеала и системы гармонизации внутрисоциальных отношений на принципах справедливости и коэволюционного (взаимозависимого) развития.

Цивилизационный конформизм является исторически развивающейся тенденцией. Механизмы его становления, начиная с периода зрелого капитализма и заканчивая периодом утраты смысло-жизненной ориентации человека общества потребления, изучаются многими западными учеными.

Д. Белл в прогнозируемом варианте описания особенностей постиндустриального общества сравнивает их с характерными чертами зрелого капитализма. Он пишет: *«Когда капитализм сформировался как социально-экономическая система, он обладал всем набором элементов: моральным духом (индивидуализм), политической философией (либерализм), культурой (буржуазная концепция полезности и реализма), психологическими установками (респектабельность, откладывание удовольствий на будущее и т. п.). Многие из этих элементов исчезли или сохранились как отголоски прежней идеологии. Остался лишь механизм, в основе которого лежит идея функциональной рациональности и эффективности и который обеспечивает повышение благосостояния и поощряет гедонистический образ жизни. Это означает, что общество остается без высокой идеи, дающей людям ощущение цели, без точек опоры, придающих обществу стабильность и наполняющих смыслом человеческое существование»* [4].

Немецкий социолог У. Бек приходит к заключению, что индустриальное общество в настоящее время находится на такой стадии исторической эволюции, когда производимый риск начинает доминировать над производством богатства. Соответственно, выгода от технико-экономического прогресса все больше оттесняется на задний план производством рисков. В этом процессе *«... в центре стоят задерживающие риски и их последствия, которые превращаются в непоправимый ущерб для жизни растений, животных и людей. Их польза уже, как это было в предыдущих столетиях и предшествующими рисками в XIX веке и в первой половине XX века локализо-*

вать, свести к специфическим группам населения; в них присутствует тенденция глобализации, которая ... порождает наднациональные и неклассовые глобальные угрозы...» [5].

Г. Бехманн отмечает, что в обществе знания наука все больше становится источником неуверенности, поскольку научное знание используется для прагматических целей экономики, политики, управления, юридической деятельности. Избирательное применение научного знания является фактором его растущего дефицита. Это означает, что само общество увеличивает разрушительный потенциал научно-технических рисков [6].

Как подчеркивает В. Франкл, нарушения психического здоровья проявляются в возникновении «неогенных невротозов» у молодых людей вследствие их пребывания в экзистенциальном вакууме, в состоянии угнетающей неопределенности в связи с отсутствием смысла жизни. *«Мы, – пишет В. Франкл, – живем в век распространяющегося все шире чувства смыслоутраты...»*, потому что *«общество изобилия ... лишь еще сильнее способствует проявлению экзистенциального вакуума»* [7].

В наиболее острой форме конфликт между нравственностью, сохраняющей нормы коллективной жизни, установки на взаимное развитие, на совершенствование отношений между личностью и обществом и демонстративно не придерживающимся никаких моральных ограничений стремлением части молодежи к индивидуальному успеху любой ценой, сопровождает процесс социально-политических и экономических изменений в самой большой стране СНГ. В результате «асоциальной социализации» в молодежной среде сформировался новый разрушительный для общества тип личности. Он отличается агрессивностью, неуважением к людям старшего возраста, считает главным критерием ценности человеческой жизни деньги и материальное богатство [8].

Судя по новейшим исследованиям, кризисная тенденция формирования отношений между младшим и старшим поколениями в настоящее время напоминает стратегию преемственности между поколениями осьминогов, которая обеспечивает сохранение этого вида. Назовем ее *«стратегией осьминога»* и кратко поясним суть, сославшись на размышления Н. Н. Моисеева.

Связывая возникновение человеческого разума на Земле с историческим процессом самоорганизации (эволюции) Вселенной, порождающей все более сложные саморазвивающиеся структуры, Н. Н. Моисеев приходит к выводу, что разум появляется при образовании наиболее сложных из них, выступая их органической составной частью. Ученый высказал предположение, что человек, возможно, – *«не первая попытка Природы создать подобные структуры»* на нашей планете. Мозг осьминога, например, по объему и сложности потенциально мог бы стать носителем разума и основой структур, способных осуществлять направляемое развитие. Но осьминог погибает сразу после отложения яиц и тем самым обеспечивает продолжение существования рода. Его гибель препятствует врожденному каннибализму, поскольку без гибели родителя потомки не имели бы возможности вы-

жизнь. Однако данная особенность продолжения жизни осьминогов препятствует обретению их «сообществом» негенетической памяти. Поэтому вся информация, которая накоплена большим мозгом, исчезает вместе с ее носителем и каждому поколению осьминогов приходится накапливать опыт заново [9].

Нечто подобное возврату к «стратегии осьминога» в различной степени происходит в переходных обществах, включая характерные процессы в ряде стран СНГ. По данному (метафорическому) критерию можно оценивать существующие идеи о возможности безраздельного утверждения рыночной системы отношений с предполагаемыми ее атрибутами – благами для всех после ухода из жизни старших поколений.

Значительная часть молодежи отрицательно относится к опыту, традициям, нравственным нормативам социальных отношений, носителями которых являются старшие поколения. При этом (как мы уже отмечали) решающую роль играет установка на достижение блага, символом которого выступают деньги, любыми средствами. С учетом этого молодежь формирует свою субкультуру как противовес культуре старших поколений, в основе которой лежит общий принцип трудовой справедливости.

Происходящую смену приоритетов, состоящую в том, что определенная часть молодежи стремится достичь жизненного успеха, отделяя свой интерес от потребностей общества в целом, не осознавая в должной степени необходимости своего участия в совместном решении общих социальных проблем (от чего зависит их судьба) мы определяем как явление коэволюционного нигилизма. В его основе – образ мышления и способ жизнеустройства, опирающиеся на убеждение, что совместная деятельность по решению вопросов стабильного развития общества, взаимозависимость в ходе совместной деятельности являются не основой личного благополучия и свободы, а препятствием для их достижения.

Реальность соответствующего отклонения от участия в процессе коллективной социализации и противопоставление ей ценностей индивидуального мира в жизни части молодежи отмечает российский философ П. С. Гуревич: «...Сегодня многие молодые люди ...изо всех сил стараются жить обособленно. Гражданская самостоятельность отсутствует. Разрывая общественные связи, индивид превращается в одиночку, в блуждающий атом общества. Мир глобализируется, а человек атомизируется» [10].

Едва ли индивидуализация, атомизация общества, которые выступают формами проявления доминирующей

тенденции социоцентристской стратегии развития, сводящейся к росту благосостояния и увеличению потребления, могут стать источником исторического оптимизма. Такая стратегия хотя и является предпосылкой, но не направлена на развитие человека как целостного, многомерного по своей природе, активно-деятельного, творческого существа. Человек приобретает историческую перспективу выживания, удовлетворяя более общую потребность, чем все вместе взятые повседневные нужды. Эта потребность, единая для всех поколений людей (цивилизации), обусловлена необходимостью построения на основе научного знания, единой воли и коллективного разума общего дома человечества – ноосферы благодаря осуществлению коэволюционной стратегии организации совместного развития общества и природы. Препятствием на этом пути выступает цивилизационный конформизм с его узкопрагматической ориентацией на антропоцентристское отношение к природе, личный успех, фетишизацией индивидуальной свободы и потребительскими идеалами.

Список литературы

1. Трансформации в современной цивилизации: постиндустриальное и постэкономическое общество (материалы «круглого стола») / В. Л. Иноземцев [и др.] // Вопр. философии. – 2000. – № 1. – С. 5.
2. *Ортега-и-Гассет, Х.* Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет // Вопр. философии. – 1989. – № 3. – С. 4.
3. *Фромм, Э.* Забытый язык. Иметь или быть? / Э. Фромм; пер. с нем. и англ. Э. Телятниковой. – М.: АСТ, 2009. – С. 242.
4. *Белл, Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл; под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – С. CLXII–CLXIII.
5. *Бек, У.* Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек; пер. с нем. В. Седелника, Н. Федоровой. – М.: Прогресс, 2000. – С. 14.
6. *Бехманн, Г.* Общество знания – краткий обзор теоретических поисков / Г. Бехманн // Вопр. философии. – 2010. – № 2. – С. 124–126.
7. *Франкл, В.* Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М.: Прогресс, 1990. – С. 39–41.
8. *Юревич, А. В.* «Асоциальная социализация» как основа нравственной деградации общества / А. В. Юревич // Вест. РАН. – 2011. – Т. 81, № 1. – С. 3–10.
9. *Моисеев, Н. Н.* Человек во Вселенной и на Земле / Н. Н. Моисеев // Вопр. философии. – 1990. – № 6. – С. 36.
10. *Гуревич, П. С.* Хаос атомизированного общества / П. С. Гуревич // Эди. – 2008. – № 4. – С. 13.

Аннотация

В статье анализируется явление цивилизационного конформизма в жизни современных обществ, раскрываются его содержание, негативные традиции и последствия, к которым относятся связанные между собой дегуманизация и коэволюционный нигилизм. Выходом из кризиса общества потребления является построение ноосферной организации жизни на основе стратегии коэволюции человека, общества и природы.

Summary

The article examines the phenomenon of civilizational conformity in modern society, reveals its contents, negative attitudes and the consequences, for example, such as the dehumanization and coevolutionary nihilism. The way out from the crisis of the consumer society is the construction of noosphere organization of life based on the strategy of the human being, society and nature.